

<http://litkonkurs.com/?dr=45&tid=224367&pid=0>

Произведение

Жанр: Просто о жизни Автор: Leo Himmelsohn (Лео Гимельзон)

Объем: 29989 [символов]

РОДНОЙ ГЕРОЙ (рассказ-интервью)

Передо мной в Кёльне – Зиновий Иосифович Красовицкий, кавалер 9 боевых и трудовых орденов (Октябрьской Революции, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной Войны I и II степени, двух орденов Красной Звезды, "За заслуги" III степени и Богдана Хмельницкого) и многих медалей. Но, кажется, вижу, как совсем юный военфельдшер, рискуя жизнью на каждом шагу, выносит на себе с поля боя раненых солдат и

офицеров. А его старший брат Илья с группой солдат и офицеров выбирается к нашим из Киевского «котла». За 35 суток они преодолевают более 400 км по оккупированной территории. Их прячут сотни крестьян и учителей, делятся едой и одеждой, а к ночи выводят потайными тропами на восток. И никто не выдаёт своих. Даже старик, нещадно ругающий Советскую власть и вождя за недостаточную подготовку к войне. А ведь все рискуют жизнью целых семей. И только жалкие отщепенцы идут в предатели. Перед операцией «Багратион» Илья во главе группы разведчиков даже выкрадывает начальника полиции из-за линии фронта и передаёт трибуналу для вздымающего возмездия. Есть фотографии подполковника Ильи в трофейном «Мерседесе». Награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды (дважды), медалью «За отвагу» и другими. ...Все наши мужчины – на фронте. Половины не стало. Кто пал смертью храбрых под Москвой, кто в Харьковском «котле», а большинство – в Германии...

– Дорогой дядя! Великая честь – родной герой. Ваша жизнь – каскад незабываемых подвигов. Спасибо за мемуары «По тернистым дорогам жизни»! А как начинался Ваш славный боевой путь?

– Через день после школьного выпускного вечера, 22 июня 1941 года, я примчался в военкомат. Направили в Военно-Медицинскую Академию. На Курской дуге назначили фельдшером батальона в Первой Гвардейской Танковой Армии. ...Из подбитого «Т-34» выбрался объятый языками пламени танкист. Вместо того, чтобы упасть на землю и, катаясь по ней, тушить огонь, он раздувал его, бегав по полю. Я повалил пострадавшего, погасил пламя, оказал помощь и организовал эвакуацию в медсанбат. В первом бою – победа. Было очень страшно, однако поверил в себя и свои силы.

– Пересекая здесь улицу профессора Мессершмитта и работая в аэрокосмической фирме на аэродроме тех времён, я думаю о том, что и над Вами «Мессеры» кружили... А Вам приходилось бывать на вражеской территории?

– При внезапной зимней контратаке немцев они захватили всё вокруг хутора на высоте. Там пришлось нам оставить до ночи 12 тяжелораненых с опытным санитаром. Мы оказали первую помощь, отдали им все сухари, медикаменты и горячую воду в термосе и укрыли их шинелями, одеялами и чехлами. Ночью я за ними вернулся с двумя разведчиками и санитаром на трёх санях, в которые были впряжены лошади. Мы остановились у подножья и стаскивали раненых вниз на полозьях и досках. А невдалеке с рёвом двигались вражеские танки и мотоциклы... Но сани почти не скрипели, и даже наши лошади не ржали. Говорил шёпотом и тяжелораненый, который не доехал до медсанбата... А другой всю дорогу громко кричал и плакал, но вскоре вернулся в строй.

– А кто на фронте подвергался большей опасности – солдаты или санитары?

– Солдат в обороне ведёт огонь из своего окопа, а в наступлении продвигается вперёд, стараясь найти какие-то прикрытия. Санитар же с оружием и санитарной сумкой перебегает под свист пуль и разрывы снарядов от одного раненого к другому по всей ширине поля боя. Опасность – каждое мгновение, на каждом шагу! Солдаты с огромным уважением и искренней любовью относились к полевым медицинским работникам. Одним только своим появлением они вселяли в раненых надежду на спасение и этим в значительной степени решали их судьбу. Насколько мне известно, на всю жизнь остаётся в благодарной памяти раненого тот, кто оказал ему первую помощь и вынес с поля боя.

– Когда Вас ранили впервые?

– Мы освободили Черновцы и захватили под Станиславом (ныне Ивано-Франковск) две высоты рядом. Когда спустились, нас атаковали штурмовики, и было много раненых. Приходилось беспрерывно перебегать от одного к другому, оказывать им помощь и перетаскивать их в отдельные «гнезда» под прикрытием рвов и кустарников у подножья.

Внезапно из гряды холмов поползли на нас вражеские танки, тогда как наши и авиация действовали на другом участке, а у нас были только противотанковые ружья и миномёты. Силы были неравными, и танки противника двинулись на ту из высот, где были два стрелковых батальона и миномётный взвод. А наш батальон и рота противотанковых ружей находились у подножья другой высоты, куда танки почему-то не пошли. Казалось почти невозможным побороть страх и панику в крайне тяжёлом положении. Пахло рукопашной. Было много погибших и тяжелораненых. Когда я оказывал помощь начальнику связи батальона, почувствовал ранение как сильный удар в правое бедро. Мгновенно возникла тревога: «Что же будет с мамой?» Её не стало в тот же день, 31 марта 1944 года, и почти в то же время... Я оказал себе помощь и быстро пополз наверх к «нашей» высоте без вражеских танков. Откуда брались силы, не знаю, но только это и спасло от смерти. На вершине меня подобрала санитары другой бригады и уложили на повозку. По пути в медсанбат мы проезжали мимо большой грязной лужи, где лежал убитый конь и валялась немецкая каска. Непреодолимое желание утолить жажду было сильнее всего на свете. Упросил ребят, и они водой из лужи сначала прополоскали каску, а затем напоили меня. Вода казалась сказочно вкусной... И обошлось без кишечных инфекций и даже расстройства! В госпитале под тяжело перенесённым хлороформным наркозом мне провели на бедре радикальную операцию с лампасными разрезами для предупреждения газовой гангрены. Нога отекала, рана долго не заживала и начала нагнаиваться. Долечившись, вернулся в строй.

– А каким запомнился Вам переход нашей границы?

– В ожесточённом бою мы увидели лежавший на земле пограничный столб и поняли, что вступили в Польшу. Радость у всех была неопишуемой: мы освободили нашу Родину от врага. Раздавалось громовое «Ура!». Но в нашей бригаде было немало погибших, включая санитар-носильщика, а санинструктор и два санитары были ранены. По штатному расписанию батальону полагались врач, фельдшер, санинструктор и шесть санитаров, а также пять санитаров-носильщиков в ротах. Но обычными были нехватки. Две-три недели прослужил врачом квалифицированный капитан медслужбы, но в боях терялся и был откомандирован в медсанбат. И мне до конца войны довелось исполнять обязанности врача – начальника медсанслужбы батальона. В том бою мне пришлось непрерывно оказывать помощь раненым. Не менее 20 из них я вынес в безопасное место, затем был ранен в шею. Пуля прошла над левой ключицей и унесла с собой кусочек мягких тканей, почти не причинив боли и не вызвав сильного кровотечения, но частично оголив солнечную артерию. Повезло! Ранение было касательным. Пройди пуля чуть глубже – пришлось бы навеки остаться в польской земле... Мне оказали помощь в медсанбате, и я сразу вернулся на передовую.

– В Польше были и концлагеря. Не довелось ли Вам встречать следы гитлеровских зверств?

– В жестоком бою мы освободили Люблин и увидели Майданек. Небольшой ухоженный сквер и резкий аромат ярких цветов в клумбах при входе в лагерь не внушали тревоги. Но перед баней лежали горы аккуратно сложенной одежды и обуви, отдельно детской. Обречённых остригали наголо. Мы с ужасом смотрели на копны спрессованных человеческих волос и скальпированную людскую кожу для изготовления дамских сумочек. Я взял себе пинетку с пятном запёкшейся крови, чтобы показывать солдатам и призывать к отмщению. Сердце обливалось кровью: рядом ходили палачи и детоубийцы. Ещё более потрясали и приводили в оцепенение видавших виды бойцов кремационные печи. Как дракон, этот ненасытный многоголовый огнедышащий змей с 1941 по 1944 год без усталости, непрерывно сжигал живых людей, включая детей. Возле печей были огромные кучи человеческих костей, и стоял невыносимый смрад сожжённых тел. Полтора миллиона уничтоженных только в этом не самом большом лагере!.. Неужели история не образумит людей, и подобное где-то может повториться?!

– А приходилось ли Вам сталкиваться с трусостью?

– После боёв за Данциг, Сопот и Гдыню, в которых я получил сквозное пулевое ранение кисти, но остался в строю, мы вели ожесточённые сражения на подступах к Лодзи. Ровная местность, опоясанная густыми лесными насаждениями, легко простреливалась врагом. Только под прикрытием артиллерийского и миномётного огня возможно было продвижение вперёд. Многочисленных раненых выносили к опушке леса в «гнёзда» на 5-6 человек. Из третьей роты приходили легко раненые, которым на передовой медпомощь не оказывалась. Но они не видели ротного санитаря, да и тяжелораненые перестали поступать. Взволнованный, я пробрался на передовую роты, но не нашёл ни её командира, ни санитаря-носильщика. Пришлось организовать вынос тяжелораненых с помощью санитаров батальона и бойцов роты. А после боя обнаружил я в лесу испуганных, дрожащих санитаря и командира роты, и мне впервые изменила выдержка. Обругав санитаря, я сильно отлупил его увесистой палкой. Тот плакал, извинялся за трусость, уверял, что с ним такого больше не случится, что за солдат и командиров, за Родину, если понадобится, отдаст свою жизнь. Он говорил настолько искренне, что не поверить ему было невозможно. Я взял его перед командованием под мою ответственность, и его не отдали под военный трибунал. А командира роты судили по всей строгости военного времени. Санитар же оправдал доверие. Оправившись от тяжёлого ранения под Люблином, он в Берлине по воинскому долгу пополз в зону огня для спасения тяжелораненого командира и закрыл его своим телом, а сам был сражён наповал пулей, угодившей прямо в сердце.

– Не доводилось ли Вам преодолевать реки под огнём противника?

– В боях за Познань нам предстояла река Варта. Под прикрытием темноты я с двумя санитарями под свист пуль и разрывы снарядов переправлялся на плоту к вражескому берегу, чтобы организовать там «гнёзда» для раненых. Наш плот разбили, и мы добрались вплавь. До этого я не умел плавать, но в чрезвычайной обстановке благодаря то ли страху, то ли жажде жизни сразу освоился. Я нырял – уклонялся от пуль – и выбрался на берег противника даже одновременно с санитарями.

– А сталкивались ли Вы с врагом лицом к лицу?

– Воспоминание об этом до сих пор бросает меня в дрожь. Когда мы разбежались организовывать «гнёзда» для раненых, я вскочил в вырытый вдоль реки окоп. Блиндаж в глубине его показался пустым и, возможно, подходящим. И вдруг меня «встречает» крупный немецкий офицер большого роста с автоматом. Секунда замешательства. У меня в руках парабеллум. Рефлекторно наставляю оружие на офицера и мгновенно нажимаю курок, а сам падаю наземь. В голове – шум и какая-то пустота. Вдруг возникает вопрос: «Убит ли я?» Шевелю пальцами ног – шевелятся. Но головы не поднимаю и признаков жизни не подаю. Опять терзает тот же вопрос: «Жив ли я?» Шевелю пальцами рук – шевелятся. Значит, жив! Подскакиваю и вижу убитого офицера на земле. Забрал у него автомат и планшет. В нём были сведения, оказавшиеся ценными для нашего командования. Меня сделали чуть ли не героем, хотя в этом случае я и струсил как никогда.

– У меня есть фотографии Вашего брата Ильи на коне. А Вы не ездили верхом?

– Лошадка Монголочка спасала меня от большой беды и, возможно, даже гибели. Немцы предприняли контрнаступление на узком участке фронта, чтобы вернуть Штеттин. Телефонная связь с медсанбатом прервалась. Я выехал верхом, чтобы выяснить его расположение после передислокации. На обратном пути в темноте оказались на минном поле. Только когда проехали его половину, нас окриком остановил задремавший солдат-минёр и помог выбраться. Как мы не подорвались?! А затем запутались и сбились с дороги. Обстановка была тревожной: немцы где-то рядом. Что делать? Вспомнился совет в подобных случаях отпустить вожжи и дать лошадке самой искать дорогу: она обычно приводит к тому

месту, откуда вышла. Не подвела меня Монголочка, и вернулись мы вовремя. А через час бригада отступила...

– Не зря, наверное, поётся: «Последний бой – он трудный самый...»

– Немецкие танки контратаковали нас у Зееловских высот, держали наши в кольце и подожгли многие из них. Большими были потери и у медработников. На 10-тонной итальянской дизельной машине мы установили два яруса нар и вывезли около 40 раненых из окружения. А 24 апреля 1945 года в Берлине, в Кёпенике, одну из площадей особенно рьяно защищали немцы и с многих точек обстреливали их снайперы. В её центре уцелел невысокий пьедестал разбитого памятника, а вокруг полегло много наших солдат под пулями наиболее искусного стрелка. Я срочно организовал в подвалах домов на площади «гнёзда» для раненых и эвакуацию их в медсанбат и успел перетащить с площади в «гнездо» четырёх раненых. Чтобы уцелеть, надо было ползти по-пластунски, прячась под разбитые трамвайные вагоны и телеграфные столбы, валявшиеся на площади. Мне сообщили, что в её центре ранен комбат. Пробираюсь к нему, и удача мне сопутствует. Он лежит за пьедесталом. К счастью, нетяжёлое пулевое ранение в мягкие ткани голени. Оказываю помощь: накладываю жгут и делаю тугую перевязку. Комбат говорит, что прополз сюда с целью выявить точку, откуда бьёт этот беспощадный стрелок, и просит меня выполнить продуманное им. Чтобы засечь снайпера, надо вскочить на пьедестал и как можно быстрее соскочить с него. Подпрыгиваю на него (около метра высотой) и тотчас чувствую сильный удар в левое бедро. Именно этот выстрел и помог обнаружить снайпера. Позже, анализируя своё ранение, я опять низко поклонился фортуне: замешкайся с подскоком – пуля могла бы попасть мне прямо в сердце. Комбат через пару дней вновь участвовал в боях до Победы. Я сделал себе перевязку и стал отползать к ближайшему дому. Проползая мимо него, почувствовал: что-то мне мешает и не даёт передвигаться. Оглянулся назад и увидел: бедро, как кочерга, зацепилось за угол здания. Отполз назад и выпрямил бедро. Боли совершенно не ощущал. Прополз несколько метров вперёд. Вдруг слышу шум и крики на смешанном русско-украинском языке. Обрадовался и зову на помощь. В ответ слышу угрожающий трёхэтажный мат. Нас предупреждали, что Берлин могут защищать власовцы и бандеровцы, а я об этом в первый момент и не подумал. Но теперь понял: я – в опасности! Слава Богу, рядом оказался котлован. С санитарной сумкой скатываюсь в него. Дальше провал: я потерял сознание. Друзья-санитары поведали, что тогда в город вошли наши танки, и противник на всех парах бежал. Меня обнаружили наши солдаты, позвали санинструктора и оттащили в подвальное помещение здания, мимо которого я проползал. Там оказали мне помощь: наложили жгут и шину и заменили повязку. На короткое время я очнулся: почувствовал на щеке влагу. Плакал санитар Захар Василенко (впоследствии доктор медицинских наук, профессор, главный стоматолог Украины). И те слёзы – пожалуй, единственное, что я запомнил после ранения. Санинструктор Коля Саволий (в дальнейшем главврач эндокринологического, а затем онкодиспансера Чернигова) в чрезвычайно сложных условиях организовал мою эвакуацию в медсанбат. В 21 год за 14 дней до Победы в 14 км от Рейхстага не дало мне дойти до него тяжёлое ранение. Я попал в госпиталь не своей Первой Гвардейской Танковой Армии, а 8-ой Гвардейской Армии Чуйкова. Наверное, поэтому меня и посчитали погибшим, не обнаружив в госпитальных списках. Уже в начале мая ранение осложнилось сепсисом, появилась угроза газовой гангрены, и мне предложили ампутировать ногу. Я категорически отказался. День Победы помню смутно – сквозь какую-то пелену, дым, туман. Соседи по койке говорили, что я тоже кричал «Ура!» и даже выпил «сто грамм» за Победу. Начала отекать нога, резко усилились боли в ней, температура прыгала от 35 до 40 градусов. Сделали лампасные разрезы на бедре, вводили противогангренозную сыворотку, применяли болеутоляющие и наркотические средства. От последних, опасавшись привыкания к ним, отказывался, несмотря на невыносимые боли. Несколько раз прокусывал из-за них губы. Главный хирург фронта, профессор, генерал-лейтенант медслужбы сказал напрямик мне как коллеге: без ампутации ноги мне грозит смерть. Я мотивировал отказ тем, что молод и смогу побороться за жизнь, а

без ноги я никому не нужен, не сумею учиться и работать, и вообще лучше умереть, чем так жить. Он ответил: «О подвиге Маресьева знаешь? Ты сможешь учиться и стать врачом, а при желании и усилиях – доктором наук». При моём повторном отказе печально заметил: «Лучше на этом свете с одной ногой ходить, чем на том свете с двумя ногами лежать». И записал в моей истории болезни: «Ампутировать бедро под мою ответственность». Тут же при сильных болях мне предложили обезболивающие средства, но вместо них ввели гексенал для внутривенного наркоза и уснувшим увезли в операционную. Из-за крайне тяжёлого общего состояния через месяц после ранения ногу ампутировали очень высоко гильотинным способом. Очнулся уже в палате. Медсестра молчала, а раненые старались не смотреть на меня... Всё стало понятным. Отбросив одеяло и простыню, увидел перевязанную намного выше колена культю. Свои чувства не могу описать. Отрубленная нога с огромной рубцовой поверхностью у основания и широкими лампасными разрезами по боковой поверхности, да и фантомное состояние, сопровождавшееся резкими дёргающими болями, лишали радости полноценной жизни. Гильотина напомнила о себе и через 10 лет: развился концевой остеомиелит, понадобилась новая операция, появились дополнительные рубцы и усилились фантомные боли. Уже впоследствии мне сообщил начальник штаба, что меня представили к званию Героя Советского Союза, а наградили боевым орденом Красного Знамени, четвёртым за войну. Он – самый дорогой для меня.

– А какими были Ваши первые шаги на «гражданке»?

– Уже в июле меня отправили на долечивание в Свердловск. Поезд шел через Харьков, и мы, несколько человек, сбежали: ведь это – почти дома. Там и долечивался. Собирался ехать в Киров к брату и мечтал учиться на юриста или историка. Но... Однажды в ноябре, проходя по улице Сумской, я встретил Марию, которая мне нравилась ещё в школе и училась на третьем курсе мединститута. Она уговорила меня никуда не ехать и поступать в него. У меня за плечами были два ускоренных курса Военно-Медицинской Академии, куда я попал без малейших планов быть врачом. Военкомат помог мне поступить в институт, но только на второй курс: он уже заканчивался. Но мне-то нужно было на третий! Любовь может стимулировать любые качества, в том числе и нахальство. Своего я добился и был зачислен не только на тот же курс, но и в ту же группу, где училась моя любимая. Интересным оказался первый экзамен зимней сессии. Мы пришли на консультацию по микробиологии. В то же время должна была сдавать экзамен другая группа. Вместо "мягкого" завкафедрой пришла очень строгая профессор, и вся та группа в страхе разбежалась. Предложили попробовать свои силы нашим отличникам – они отказались. Потом мне. Я решил, что терять нечего, и согласился. Мои ответы больше походили на философские рассуждения. Еще умудрялся при этом спорить с профессором. Это продолжалось час двадцать. Когда она вывела в зачётке «отлично», я так удивился, что спросил, не ошибка ли это. «Вы будете очень хорошим врачом, а может быть, и научным работником», – ответила она. Это стало окончательным доводом в пользу выбора профессии. 14 марта 1946 года мы с Марией Семёновной поженились. А в 1947 году родился Саша, студенческий ребенок, которым занималось всё общежитие. Вскоре после окончания института в 1948 г. я отказался возглавить здравоохранение в Донецкой области вместо начальника, которого уволили бы. Меня назначили заведующим сектором кадров Сумского облздравотдела. По совместительству я начал работать в городской инфекционной больнице.

– Говорят, «и в мирной жизни есть место подвигу»...

– Я сталкивался со случаями, когда бывшие фронтовики пасовали и не в самых высоких кабинетах, поддавались давлению и даже оговаривали невинных, когда было «дело врачей».

– Сталкивались ли Вы с мужеством Ваших больных?

– На 13-летнего Ваню набросилась собака, сбила с ног и укусила за щеку. Ему обработали рану. Позже обнаружили сдохшую собаку и установили у неё бешенство, но непростительно

забыли о мальчике. Недели через три у него появились затруднения при дыхании, сильная жажда и спазмы в глотке при попытках выпить воду или дуновениях ветра. Сам Ванюша, узнав о собаке, спросил врача: «Не бешенство ли у меня?» С подозрением на него и привезли в нашу больницу мальчика с развёрнутой картиной болезни. Судороги участились и были вызваны при его осмотре вместе со студентами медучилища даже моим неосторожным вопросом, не хочет ли он воды. Учащиеся вышли из палаты. Когда стало легче, Ваня попросил больше не водить их к нему. И не потому, что он может сделать им что-то плохое, хотя такие больные часто ведут себя агрессивно и могут обслюнявить окружающих. Просто ему тяжело видеть посторонних. А главное, попросил не пускать к нему маму и младшую сестричку. Он сказал, что после укуса прочитал брошюру о бешенстве и понимает, какая у него болезнь и чем она закончится. А сестрёнка очень любит его и, если её пустят к нему, не удержится и поцелует его. С трудом я сдерживал себя и утешал Ваню как мог. Но сделать ничего было уже нельзя... На следующий день начался финальный, паралитический период болезни. Я разговаривал с мальчиком, держал его руку в своей и щупал пульс, а Ванюша шептал мне что-то. И вдруг он вздрогнул и остановился на полуслове. Один миг – и Вани не стало... Я закрыл ему веки и вышел из палаты. Можешь представить себе моё состояние. Всё передо мной кружилось. Не смог сдержать слёзы...

– Сразу два профессора предсказали Вашу научную судьбу, а один – даже докторскую диссертацию. И это – лет за 35 до её защиты Вами в 1980 году в Институте эпидемиологии под руководством будущего Президента Академии медицинских наук СССР В. И. Покровского. Был свидетелем Вашего успеха. Но возможно ли врачебное мужество в мирной жизни?

– Часто необходим обоснованный риск. У четырёхлетней Тани были сразу коклюш, воспаление лёгких и менингоэнцефалит. Через каждые полчаса – приступ с покраснением и посинением лица, судорогами, остановками пульса и дыхания. Начиналась агония, и медлить было нельзя. Спасти могло только внутривенное введение нейролептической смеси, разведённой в растворе глюкозы. Разрешения на применение этого моего метода, многократно испытанного только на себе для оптимизации дозировок, ещё не имелось. И я на свой страх и риск пошёл на «боевое крещение». Всю ночь провёл у постели ребёнка. Очень волновался. На всякий случай приготовил препараты, ослабляющие действие той смеси. К счастью, опасения оказались напрасными. Девочка впервые спала относительно спокойно и дышала глубоко и ровно, хоть и учащённо. А через три недели была выписана практически здоровой. И в 18 лет родила дочь...

– Вы всегда сначала испытывали изобретённые Вами препараты и методы лечения на себе и только потом применяли их для лечения пациентов?

– Да разве только я? Сколько классических примеров!.. Легендарную Зинаиду Виссарионовну Ермольеву называли первым холерологом мира. Она рассказала на симпозиуме в Москве о своём опыте самозаражения холерой, который едва не закончился трагически. Каверин сравнивал её с доктором Гаазом, девиз которого – «Спешите делать добро!»

– Ваша специальность инфекциониста кажется мне военной...

– Только врачи и военные принимают присягу. Я работал в тесном контакте с эпидемиологами для предотвращения эпидемий. Их возбудители часто ведут себя нетипично или даже ново для науки и затрудняют дифференциальную диагностику. А от правильности и оперативности её и принятых мер зависят здоровье и жизнь многих людей. Жаль, что отдельные руководители здравоохранения ещё и вставляли палки в колёса и даже угрожали. Но я не поддавался. Да и пациенты бывали разными. Приходилось лечить и заключённых, которые тоже грозили медикам...

– А сталкивались ли Вы со случаями неисполнения врачебного долга?

– Даже с вопиющими. Вспоминаю их с болью и возмущением. Мы отмечали в московском ресторане защиту моей докторской диссертации. Внезапно мой сын, больной диабетом, впал в гипогликемическую кому. Это острое состояние при резком падении сахара в крови. Врач «Скорой помощи», на ходу поверхностно осмотрев сына, потерявшего сознание, и не собрав анамнеза, поставила диагноз алкогольного опьянения. Она не захотела выслушать сведения о болезни сына и, не оказав помощи, с чувством непонятого пренебрежения ко всему происходившему собралась уходить. Врач может ошибиться в диагнозе. Но отказ помочь больному – преступление, и ему нет оправдания. Высокомерное поведение, наглость, возмутительное хамство и уклонение от помощи сыну в угрожавшем жизни состоянии привели меня в состояние аффекта. И я поднял над головой «врача» костыль, который, к счастью, удержали мои друзья. Её прикрыла спиной жена и попросила быстрее убраться во избежание беды. Друзья срочно отвезли нас с сыном в Институт Н. В. Склифосовского, где свято хранят традиции основателя. ...Николай Васильевич во имя людей не раз рисковал своей жизнью. Для спасения мальчика, больного дифтерией, учёный отсосал у него плёнки и заразил себя и своего сына, который в итоге почти полностью потерял слух... Коллеги отнесли к моему сыну с исключительной теплотой и чувством сопереживания, сразу установили правильный диагноз и спасли сына. Помню и другой случай. Аспирантка МГУ заболела менингоэнцефалополирадикулоневритом. Это тяжёлое поражение всех участков как центральной, так и периферической нервной системы. Участковый врач не оказал никакой помощи, объяснив своё бездействие отсутствием знаний и опыта лечения таких больных. Но и не обратился к помощи старших коллег. Это – нарушение присяги врача. Больная даже не была госпитализирована! Не помогла и врач МГУ по какой-то своей причине. Когда состояние девушки стало очень тяжёлым, студентки, жившие с ней рядом в общежитии МГУ, дозвонились до её родителей. Отец с колоссальным трудом привёз к нам на поезде свою дочь. По дороге она несколько раз теряла сознание. Врачи нашего отделения сутками не отходили от её постели. Родители уже утратили веру в исцеление и готовились к самому худшему, а бабушка даже заказала гроб... Но, к счастью, больная выздоровела.

– Дикий капитализм – жестокое испытание для народа. Немало и соблазнов для врачей. Здесь, на Западе, они открыто говорят пациентам, что являются частными предпринимателями. Есть у меня и двустигшие-«лёвик»:

«По одежке» – вроде врач.

«По уму» – скорее, рвач.

– Очень точно! Мне кажется, искусство медицины – настолько гуманное, милосердное и всепоглощающее, что подлинному врачу, который стремится именно помочь больному, просто некогда думать о деньгах. Если «врач» смотрит на пациента под углом зрения, направленным на «выколачивание» из него денег, то такой «специалист» просто опасен для пациента и общества в целом. А в крайних проявлениях является даже преступником в белом халате.

– А разве не было мужественным решение Марии Семёновны связать судьбу с Вами – героем войны, потерявшим ногу? Могли ли тогда она даже мечтать о том, что Вы десятилетиями будете заведовать инфекционным отделением и станете «Заслуженным врачом Украины» и членом правления Всесоюзного научного общества инфекционистов? А затем – создателем и главврачом научного клинического Центра по инфектологии и медико-биологическим проблемам в экологии и на его базе – основателем университетской кафедры, её заведующим и профессором? Что послужит прототипом главного героя в посвящённой Вам пьесе музыкально-драматического театра, в которой Вам досрочно «присвоят» докторскую степень? Создадите и внедрите оригинальные спасительные методы диагностики и лечения инфекционных болезней? Изобретёте целый ряд принципиально новых и чрезвычайно эффективных препаратов для медицины и ветеринарии? Что каждую городскую обзорную

экскурсию – и в моём исполнении – украсят звонкие слова о Ваших подвигах на фронте и в едва ли мирных битвах с болезнями? Что многие сотни тысяч людей будут настолько обожать и боготворить Вас, что мало кто сможет сравниться с Вами даже по степени популярности, не говоря уже о любви? Что созданной Вами инфекционной больнице с Вашими барельефом и музеем будет присвоено Ваше имя? И всё это – при Вашей драгоценной жизни...

– Моя жена – мой самый верный и надёжный друг и в радости, и в горе, всегда помогала мне и причастна ко всему, что удалось. Она как педиатр спасла тысячи детей...

– Не представляю, как трудно было Вам как фронтовику переехать в Германию...

– После шести хирургических операций, четырёх инфарктов миокарда и приступа сердечной астмы требовалась срочная и очень рискованная операция. Огромных денег на неё у меня и близко не было. Я не ведал, выдержу ли её, но знал, что в Германии оперировался знаменитый кардиохирург Николай Амосов после тяжелейшего поражения сердца. Это был единственный шанс продлить жизнь... Передать тяжесть моих переживаний не могу. Ведь я уезжал из родной страны, за свободу которой воевал. Опирался на её землю и дышал её воздухом. Уезжал в страну, против которой я воевал, где потерял ногу и только чудом остался жив. Но ныне в ней осуждается фашистское прошлое. Как мучился, сомневался! Как ныло сердце!.. Душевная боль была нестерпимой. Она лишь немного смягчалась сознанием того, что на Родине остаются друзья, ученики и созданные мною кафедра и больница, что я смогу им помогать и приезжать туда по мере сил. И сохранится добрая память обо мне, которая и станет тем единственным богатством, которое оставляю я в наследство моим детям, внукам и правнукам.

– Вы очень помогаете Родине своими мемуарами и глубокими мыслями о немецкой медицине и преимуществах советского здравоохранения. И даже организационно – благодаря высочайшему авторитету и ценнейшим контактам. Высокая и уникальная судьба продолжается!

P. S. За день до 65-летия завершения битвы под Курском героя не стало. В последний путь его провожали в Кёльне десятки, а в Сумах – тысячи людей. Похоронен в самом начале главной аллеи Центрального кладбища рядом с монументом павшим героям...

Дата публикации: 07.10.2009 23:01

Предыдущее: LOVE HISTORY (поэма с перекличкой названий в триаде триад и тетраде тетрад) Следующее: **ПУТЬ К ЖЕЛАННОЙ ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ЕЁ И СУДЬБЫ**